

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ёб свою мать. Часть 4

в соавторстве с Count Raven

Лик Смерти

Вороной белой был в миру, Но в мир иной мне было рано; Я знал, что это не к добру, Уже сочились кровью раны.

Срывал я маски, но лицо, Так и осталось искажённым; Хоть я и не был подлецом, Но оставался прокажённым.

Я свою душу оголял, Срывая дряхлые лохмотья; Я шкуру старую сдирал, Но обнажался только плотью.

Летать учился я во сне, Но делал это неумело; Пока жива душа во мне, Не отделить её от тела
В десятом классе к ним пришла по распределению новая учительница по литературе. Её же назначили классным руководителем.

Ирина Архиповна Кобылянская — молодая, симпатичная женщина, ростом под метр восемьдесят, с шикарным бюстом и широченными бёдрами.

Все мальчишки разом влюбились в неё и половина из них, как минимум, мастурбируя по ночам, представляли её в своих эротических фантазиях.

Олег же, напротив, перестал дрочить; полагая, что незамутнённый лик Любви, несовместим с похотливыми помыслами.

Как-то она задала им сочинение на дом на свободную тему.

На очередном уроке, она, стоя у стола и, положив правую руку на стопку тетрадей, стала разбирать их сочинения. Кого-то похвалила, кого-то пожурила, а потом, взяв верхнюю в стопке тетрадь, подняла её и, показывая классу, сказала: — Свиридову Олегу я поставила пять/пять, больше никому. Пять по русскому и пять по литературе; за лаконичность формулировок и краткость. А краткость — сестра таланта.

Она улыбалась ему.

Олегу хотелось, конечно, быть в центре внимания, но, оказавшись в нем, весь класс смотрел на него, он застеснялся.

...

Закончили десятый класс. Сдали экзамены. На выпускном балу Олег пригласил классную на танец, и она вальсировала с ним. Когда объявили небольшой перерыв, все высыпали на улицу из душного школьного зала. Ирина Архиповна курила, хотя ей делали замечания другие учителя и директор. Мальчишки, встав полукругом, слушали её рассказы о весёлой студенческой жизни. Когда выпускники из других классов потянулись в школу, она сказала: — Ну, ладно мальчишки, вы идите, а я ещё постою — и повернула голову в сторону туалета. Мальчишки стайкой ушли, Олег задержался.

— Ты тоже... по нужде остался? — она выпустила дым — Иди, я ещё покурю.

— Ирина Архиповна — он протягивал ей свёрнутый листок

Держа в левой сигарету, она взяла листок правой и встряхнула, разворачивая, затянулась и прочла:

Она письмо мне написала,

И в нём немного было слов:

Из Блока несколько стихов..

Ну, что ж — и этого немало.
И я ответил бы стихами,
И спел бы песню о любви,
Любви, которая как клятва
Меж закадычными друзьями,
Сердца скрепляет на крови.
Я всё такой же, объяснимый;
Немного странный и ранимый
От слов твоих, порой до слёз.
Всё жду, когда же образ милый
Прекрасный и неповторимый
Войдёт в обитель моих грёз.

— Хм, неплохие стихи. Интересно, кто тебя вдохновил, кто же эта прекрасная незнакомка, объект твоих вздыханий, Ромео?!

Он молчал, боясь даже взглянуть на неё и изо всех сил стараясь отвести взгляд от разреза на её юбке.

Она с усмешкой смотрела на него: — Неужели ты думал, что я, прочитав стихи, брошусь в твои объятия, ты что возомнил себе, Квзимодо?

Бросив сигарету в траву, демонстративно медленно рвала листок и, держа клочки в ладонях вытянутых рук, перевернула. Ещё раз усмехнулась и ушла.

...

В этот день у Иры, с самого утра было какое-то странное, нехорошее предчувствие.

Проводив Олега на выпускной, стала собираться на работу, во вторую смену. Она ходила по комнате и, как слепая, натыкалась то на кресло, то на ширму. То вдруг ловила себя на том, что сидит на кровати и отрешённо смотрит в окно.

Выйдя на площадку долго рылась в сумочке, ища ключ, зашла в прихожую и обшарила тумбочку. Ключа не было. Она глянула в зеркало — «Дурацкая примета» — ключ был в руке.

В цехе, сменщица Татьяна, увидев её, даже испугалась — Ира, что случилось, на тебе лица нет?

— Не знаю, мутит что-то вот здесь — она приложила руку к груди

— С Олегом что-то?

Её будто током ударило: гулко застучала кровь в висках, а лицо вспыхнуло, как от ожога — Олег!!

— Таня я сбегаю домой, что-то неладно — говорила она уже на ходу.

Квартира была на втором этаже, она бежала через две ступеньки. Долго не могла трясущимися руками попасть ключом в замок и, наконец, открыла.

...

Олег стоял несколько минут, ничего не слыша и не видя. Наконец, придя в себя, медленно пошёл, куда глаза глядят. Очнулся на площадке перед дверью своей квартиры.

Когда открывал дверь, что-то перевернулось в сознании, и он увидел себя откуда-то сверху за спиной, со стороны правого плеча. Он видел, как он вошёл в прихожую... закрыл дверь на ключ... положил ключ на тумбочку... разулся... прошёл в ванну... тщательно и долго мыл руки... вышел на балкон... снял бельевую верёвку... сложил её вдвое... вышел из комнаты... закрыл дверь... сделал петлю... накинул на шею... встал на колени... привязал другой конец

верёвки к ручке... он смотрел на дверную ручку, на верёвку, тянущуюся к ней от шеи, верёвка была длинная и он перевязал, оставив не больше тридцати сантиметров, несколько минут стоял, ничего не видя перед собой и стал заваливаться на бок, петля, затягиваясь, впивалась в кожу на шее, причиняя жгучую боль и от боли он пришёл в себя и испугался... дёрнулся вверх, опираясь руками о пол, но дальше произошло что-то ужасное, перед глазами возникла чёрная пелена и из этой пелены высунулся уродец с омерзительной харей и ткнул в лицо пылающим факелом, он инстинктивно вскинул руки, защищаясь и повис на петле, затягивая её своим весом, снова дёрнулся вверх, опираясь руками, уродец высунулся и ткнул факелом в лицо..

...

Олег, с посиневшим лицом и, вздувшимися венами на шее, хрипел и бился в петле, отталкивая что-то от себя руками. Она метнулась к нему и, подхватив, рывком приподняла и, удерживая одной рукой, другой ослабила петлю. Он стал приходить в себя, и она развязала узлы на ручке и сняла с его шеи верёвку.

Произошедшее, так сильно напугало её, что она, позвонив на работу и сказав, что заболела, попросила отпуск на три дня в счёт отгулов.

Она никому об этом не рассказала. О том, что нужно бы сходить к психиатру, даже и мысль не промелькнула.

После случившегося, Олег, и без того неразговорчивый, замкнулся и ушёл в себя.

Несколько раз, Ира пыталась с ним поговорить, но Олег, молча ложился на свою кровать и отворачивался к стене.

Утром, на третий день, когда она за ширмой заправляла свою кровать, Олег сказал: — Ты иди на работу, не бойся, глупостей больше не будет.

Она застыла с одеялом в руках, по щекам струились слёзы.

...

Через две недели пришла повестка из военкомата на призывную комиссию. Олегу в сентябре исполнялось восемнадцать лет.

Комиссия признала годным к строевой и зачислила в ВДВ.

Олег настроился на службу, но Ира, насмотревшись репортажей о дедовщине и, наслушавшись ужасиков от матерей, сыновья которых служили, решила, что сына в Армию не отпустит.

Шла вторая Чеченская.

Ира записалась на приём к военкому.

...

Стареющий, полнеющий и лысеющий, с круглыми, как у хорька, похотливо бегающими глазками, военком сидел в кресле, когда в кабинет, без стука, вошла женщина.

Закрыв за собой дверь, она повернула защёлку, шагнула к столу и, бросив на него упаковку презервативов, стала раздеваться.

Подполковник тарасился, разинув рот: перед ним стояла обнажённая женщина, невысокая, но с фигуркой, словно точеной, с идеально-округлыми формами, жгучая брюнетка с глазами, зелёными как изумруд, обжигающими ледяной неприступностью.

— Кармен — пролепетал он, сползая с кресла и, опустившись на четвереньки, пошёл к ней.

...

Время было мутное, люди бес чести. Он поимел её и забыл, о чём обещал.

В конце сентября пришла боевая и через две недели, Олег, вместе с другими новобранцами, ехал в поезде в учебку, куда-то под Псков.

30.07.15